

Н.М. Солнцева (Москва, Россия)

О вкусе поэтов к крови¹

Аннотация: В поэзии 1900–1920-х гг. развилась тема пролития крови как порядка вещей, очищения через кровь, спасения цивилизации кровью, оправдания жертвы в революционном слове. Идея необходимой жертвы подготовлена мировой мыслью, она высказана Платоном, Аристотелем, де Местером, легла в основу текстов Гегеля, Ницше, Маринетти. Высказывалась мысль о войне как постоянном состоянии человечества, которое стимулирует развитие искусства, науки, освобождает общество от пороков, которые оно же породило. Была распространена ветхозаветная и новозаветная интерпретация жертвенной крови, ярко проявившаяся в программных статьях голгофских христиан, в прозе Свенцицкого. Поэтическое воплощение тема крови получила в произведениях Маяковского, пролетарских поэтов, Клюева, Карпова; к ней обращался Блок.

Ключевые слова: библейский, война, гигиена мира, Голгофа, грех, жертва, кровь

N.M. Solntseva (Moscow, Russia)

Why Poets Talked Blood

Abstract: The poetry in 1900–1920 forged the ideas of the shedding of blood as the order of things, cleansing through blood, salvation of civilization by blood, justification of sacrifice in a revolution. The idea of the right sacrifice was repeatedly discussed by Plato, Aristotle, de Mester, it formed a basis of the texts by Hegel, Nietzsche, and Marinetti. War was understood as a permanent condition of humankind: it stimulates the development of art, science, frees the society from the evils it caused. This time signaled widespread interpretations of sacrificial blood in the Old Testament and the New Testament. This was manifested in the article of Calvary Christians, in Svetsitsky prose. The poetic description of blood came in the works of proletariat poets, Klyuev, Karpov, Block, and Mayakovsky.

Key words: Bible, war, hygiene of the world, Calvary, sin, sacrifice, blood

¹ В основе статьи доклад, прочтенный на V Соколовских научных чтениях 26 октября 2017 (МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет).

По поводу эпатажной строки В. Маяковского «Я люблю смотреть, как умирают дети»¹ («Несколько слов обо мне самом», 1913) высказан ряд объяснений, сводящих к нулю упреки в некорректности, жестокости, кровожадности и проч.: это слова не поэта, а Бога (Г. Амелин, В. Мордерер, Д. Быков); влияние изданного в 1910 г. стихотворения И. Анненского «Тоска припоминания» (С. Бобров); ответ на изданное в России в 1913 г. стихотворение Ф. Жамма «Молитва, чтобы ребенок не умер» (В. Перцов); эквивалент «отмучился», «недолго мучился» (Л. Брик); сарказм поэта, наблюдающего за похоронами (Н. Харджиев); смерть как предел, за которым разрешаются все противоречия, ассоциация детоубийства с самоубийством, то и другое прерывают время (Р. Якобсон); рефлексия на частый сюжет о смерти ребенка в классической литературе и живописи (А. Гольдштейн). Нарратология – дисциплина не точная и помогающая сглаживать острые углы. Благодаря ей мы понимаем, что Маяковский далек от патологии вроде: «Видеть страдания доставляет наслаждение, причинять их – еще большее. Это жестокое правило, но старое, могучее, человеческое, слишком человеческое основное правило <...>. Без жестокости не может быть торжества <...>»² (Ф. Ницше. Генеалогия морали, 1887). На наш взгляд, и умирание детей, и обращение поэта к солнцу в этом стихотворении отсылает нас к поэме «Война и мир» (1915–1916), в которой есть такие строки: «Слышите – / солнце первые лучи выдало, / еще не зная, / куда, / отработав, денется, – / это я, / Маяковский, / подножию идола / нес / обезглавленного младенца» (стр. 56 М).

Поэме Маяковского не так повезло с объяснением идеи крови. В ней поэт пишет об очистительной и искупительной силе Первой мировой войны, по сути, о праве войны на жестокость. Земля заражена, гниет, «если не собрать людей пучками рот, / не взять и не взрезать людям вены – / зараженная земля / сама умрет – / сдохнут Парижи, / Берлины, / Вены»; потому оружия – ланцеты, потому в столицы «вогнали вагоны зараженной крови», потому «в крови желанья бурлят ордой» и пора «выволакивать забившихся под Евангелие Толстых!» (стр. 43, 42, 44 М). И вот «первую кровь войне отдали, / в чашу земли сцедив по капле» (стр. 50 М). Тем самым Маяковский придает поэме библейский смысл. Но война – «искупительная дама», и таким семантическим, этическим несозвучием поэт снизил (унизил) трагедию искупления, хотя уже весь мир вымочен «человечьей кровью» (стр. 62, 50 М) Игра с образами – и в гипертрофии кровавых потоков: ростовский рабочий «захотел / воды для самовара выжать, – / и отшатнулся: / во всех водопроводах / сочилась та же рыжая жижа» (стр. 50 М). Поэт балансирует между искренним ужасом и литературной провокацией, а мы путаемся в нарратологии.

Авторитетен круг мыслителей, морально мотивировавших войны, осмыслявших их как естественное цивилизационное явление. К XX в. идея уместности войны лежала на поверхности.

По Платону («Федон», «Тимей», «Государство»), справедливая война – оборонительная, но любая война должна руководствоваться идеей Блага. По Аристотелю («Политика», «Никомахова этика»), войну надо вести, помня о добродетели. Но, по Платону, войны порождены несовершенством человека, а Аристотель считал, что в войне утверждается естественное право обуздать варваров, поскольку варвар-раб –

¹ *Маяковский В.В.* Полн. собр. произведений: В 20 т. / Сост., подгот. текста, коммент. Р. В. Дуганова, А.Т. Никитаева, А.П. Зименкова, В.Н. Терехиной. М.: Наука, 2013. С. 19. Далее страницы по этому изданию указываются в скобках с пометой М.

² *Ницше Ф.* Генеалогия морали // Ницше Ф. Избр. произведения: В 2 т. / Сост., подгот. текста М.Ш. Ивановой. Т. 2. М.: Сирин, 1990. С. 50, 55. Текст печ. по изд.: *Ницше Ф.* Генеалогия морали. СПб., 1908.

он и есть варвар-раб. Гераклит («О природе») вообще считал, что война – верховный правитель в разделении тварей на рабов и свободных; через нее познаются законы бытия. Под войной он имел в виду борьбу в целом, потому она – мера вещей и гарант обновления мира. Христианская мораль войны осуждала как проявление испорченности человеческой природы. Блаженный Августин («О граде Божиим», 413–427) саркастично писал, как плакал Марк Марцелл по поводу предстоящего разрушения Сиракуз, но штурмовал город, разрушил его и не дал приказа щадить укрывшихся в храмах. Точка зрения Блаженного Августина очевидна уже в названиях второй и седьмой глав – «О том, что никогда никакие войны не были ведены так, чтобы победители щадили побеждаемых ради богов тех, кого победили», «О том, что всё, что при разрушении Рима совершилось жестокого, случилось по обычаю войны; а что делалось снисходительного, то произошло от могущества имени Христа». Христианская мораль признает справедливые войны. Но где критерий справедливости? Фома Аквинский («О правлении властителей», 1265–1266) видел его в справедливом намерении. Тогда идея Маяковского оправдана, ведь справедливо намерение избавиться от дурной крови и победить тем самым зло: после кровопускания на земле установится благодать: «Вселенная расцветет еще, / радостна, / нова» (стр. 55.). Как А. Блок записал 30 июля 1917 г. по поводу большевизма (стихии) и «вечного покоя»: «Это ведь только сначала – кровь, насилие, зверство, а потом – клевер, розовая кашка <...>. Буйство идет от вечного покоя и завершается им»¹. Буйство – «драгоценное», оно как «неусталость», оно оправдано, и «не так страшно»². Получается, что «последовательность метаний»³ – в природе вещей; так кровь и насилие в финале «Двенадцати» (1918) сменяются новым пришествием Иисуса Христа.

Учитывая влияние на русскую мысль Ж. де Местера⁴, обратимся к его «Рассуждениям о Франции» (1796). По де Местеру, пролитие крови – нормальное состояние человечества; война стимулирует развитие искусства, науки, в целом цивилизации, освобождает человечество от пороков, рожденных излишествами самой же цивилизации. Кровь закаляет изнеженную душу («эта душа способна быть вновь закалена только кровью»⁵). Наконец, кровь смывает грехи человеческие, и с этим коррелирует содержание поэмы Маяковского. Говоря о естественности войн, де Местер уподобляет человеческий род дереву, крону которого ради плодов следует подстригать. Итак, сомнительны утверждения о насильственном уничтожении как зле, поскольку это зло возмещается: «Известно, что никогда на-

¹ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. / Общ. ред. В.Н. Орлова, А.А. Суркова, К.И. Чуковского. Т. 7. М.; Л.: Госиздат, 1962. С. 292. См.: «Ветер стих, и слава заревая...» (1914) А. Блока.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Классик европейского консерватизма, Ж. де Местер как посланник сардинского короля четырнадцать лет провел при дворе Александра I; гость аристократических салонов (в черновом варианте «Войны и мира» Л.Н. Толстого он среди посетителей салона Шерер в 1812 г., в четвертом томе упомянут как искусный дипломат), автор книг о России, распространитель антиреволюционных настроений и католицизма, он и в XX в. пользовался успехом у интеллектуалов. Н. Бердяев писал о нем как об «иллюминате и христианском теософе», «гениальном мыслителе» и «не банальном реакционере» (Бердяев Н. Жозеф де Местер и масонство // Путь. 1926. № 4. С. 184). Так, Бердяев, имея в виду низкий культурный уровень, на котором базировался интерес и русских эмигрантов к масонству, и «русских маньяков масонского заговора» (там же. С. 183), полагал актуальной мысль де Местера обратить масонство на службу Церкви. См.: Берлин И. Жозеф де Местр и истоки фашизма // Философия свободы. Европа. М.: НЛЮ, 2001. 448 с.; Десярева М.И. Жозеф де Местр и Н.М. Карамзин // Социологический журнал. 2003. № 1. С. 151–165.

⁵ modernlib.ru/books/de_zhozef/rassuzhdeniya_o_francii/read

ции так не поднимаются к достижимым для себя вершинам своего величия, как после продолжительных и кровавых войн»¹. Говоря об «искупительной драме», Маяковский описывает послевоенные дары цивилизаций и культур: «мощь машин» от Америки, алость женских губ от Франции, нагое тело юношей от Греции, мысль от Германии, «пламенный гимн» (стр. 62, 63 М) сердца от России и проч.

Но и Гегель («О научных способах исследования естественного права», 1802; «Феноменология духа», 1807; «Философия права», 1820) считал, что война – оптимальный путь для восстановления нравственного состояния общества, поскольку открывает ему истинное положение вещей. Война вовсе не абсолютное зло. Она предотвращает вызванное вечным миром гниение человечества², чему соответствуют образы «Войны и мира» Маяковского: «Гниет земля, / Ламп огни ей / взрывают кору горой волдырей»; «В гниющем вагоне / на сорок человек – / четыре ноги», «легли миллионы, – / гниют, / шевелятся, приподымаемые червями!» (стр. 41, 53, 54 М).

По сути, мыслители писали о санации (во всех смыслах), предвосхитив броскую тезу Ф.Т. Маринетти о войне – гигиене мира («Программа футуристической политики», 1913). Как сказано Маяковским: «В каждом юноше порох Маринетти» (стр. 64 М). Но Маринетти не был озабочен нравственной подоплекой этой гигиены, Маяковский же облагородил ее идеей искупительной жертвы.

Конечно, в орбите интересов Маяковского мог быть Ф. Ницше. Для Ницше война – инстинкт («Иное дело война. Я по-своему воинственен. Нападать принадлежит к моим инстинктам»³). Маяковский отдался не инстинкту, а идее (или образу?). В главе «О войне и войнах» из «Так говорил Заратустра» (1885) Заратустра призывает «собратьев» к войне: «Вы должны любить мир как средство к новой войне. И краткий мир больше, чем долговременный»⁴, и эти слова мы воспринимаем как вольное или невольное отражение мысли Гегеля. Ницше провозгласил войну как благо («Вы говорите, что благое дело освещает даже войну? Я говорю вам: благая война освещает всякое дело»), иронизирует по поводу достойного «маленьких девочек» восхваления добра и принижает роль христианской любви к ближнему: «Война и мужество сделали больше великого, чем любовь к ближнему. Не ваше сострадание, а ваша храбрость спасла до сих пор несчастных»⁵. Он трактует любовь к ближнему с позиций эгоцентризма: «Но говорю вам: ваша любовь к ближнему есть ваша дурная любовь к самим себе»⁶. Итак, для Заратустры война не просто цивилизационный факт, а спасение «несчастных». Но и Маяковский видит в войне спасение человечества. Однако не того конкретного ближнего, что гниет на войне. Маяковский пророчит об идеальном будущем, но и Заратустра, скептически относясь к любви к ближнему, противопоставляет ей любовь к дальнему и грядущему. Возможно, объяснение такого мотива поэмы – в словах Г. Свиридова: Маяковский «наполнен исключительно собой»⁷.

Если бы Маяковский и Ницше вступили в диалог, его смысл, скорее всего, был бы сродни диалогу Раскольникова и Свидригайлова: решил, что «старушонк

¹ modernlib.ru/books/de_zhozef/rassuzhdeniya_o_francii/read

² См.: Румянцева Т. Г. Гегель о правомерности и нравственном значении войн versus кантовской идеи «вечного мира» // Социология. 2013. № 2. С. 70–74.

³ Ницше Ф. Автобиография (Ессе Номо) // Ницше Ф. Избр. произведения: В 2 т. Т. 2. С. 341.

⁴ Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Избр. произведения: В 2 т. Т. 1. С. 37. Текст печ. по изд.: Падение кумиров. М., 1900.

⁵ Там же. С. 38.

⁶ Там же. С. 49.

⁷ Свиридов Г. Музыка как судьба. М.: Молодая гвардия, 2002. С. 116.

можно лущить чем попало, в свое удовольствие», отменил старую мораль, а в самом Шиллер «смущается поминутно»¹. По Ницше, «больная совесть – болезнь»². Он говорит о воле к самоистязанию: нечистая совесть изобретена человеком, ей был придан религиозный смысл, «чтобы довести свое самоистязание до ужасающей жестокости и остроты»³. Маяковский как раз винится: «Кровь! / Выцеди из твоей реки / хоть каплю, / в которой невинен я!» (стр. 57 М), идея кровопускания, реализовавшись, уступает место покаянию. В «Оправдании добра» (1897) В. Соловьева есть глава «О смысле войны». В ней война названа хронической болезнью человечества, но ее смысл не исчерпывается только представлениями о зле: война бывает необходимой. В «Трех разговорах о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1899) г-н Z считает, что война не безусловное зло и мир не безусловное добро, князь утверждает, что война и военщина – людоедство, а генерал говорит, что война не противна Божьим заповедям. Маяковский, считая, что война необходима, тем не менее называет себя людоедом.

Нравственная, даже религиозная рефлексия в поэме очевидна. Сама тема искупительной крови, очищения через жертвенную кровь отсылает нас к Библии. И в стихотворении «Несколько слов обо мне самом», и в поэме Маяковский ставит себя на место Христа. Но Христос пролил Свою кровь. Как сказал апостол Павел во втором послании евреям, Он пришел «не с кровью козлов и тельцов, но со Своею Кровью» (Евр. 9:12). В «Войне и мире» проливается кровь не своя, а «козлов и тельцов». Еще один образ в поэме Маяковского мы рассматриваем как аллюзию на религиозный сюжет. Это «Метнулись гонимые разбегом убитые, / и еще / минуту / бегут без голов» (стр. 50). Святые Феликс и Регула, брат и сестра, а также их слуга Экзюперантий были обезглавлены, но встали, подняли головы, помолились и отошли к Богу. Известны изображения этого чуда, на некоторых по бокам показаны черти. Маяковский продолжает: «И над всем этим / дьявол / зарево зевот дымит» (стр. 50 М).

Кровь на войне как факт веры – не неожиданная мысль. Она встречается у А. Гастева: «Германцы, англичане, тунгузы, евреи и русские. / Идите. / Вот вам крещение»⁴ («Арка в Европе», изд. 1918). В.В. Розанов («Христово Воскресенье», 1915) считал, что в Первую мировую войну «мистерия религии» (иначе – праздник «искупления смерти смертью») соединилась с «мистерией истории»: смерть на войне – это подражание Христу, «умершему за человечество»⁵. Розанов, как заклинание, проговаривает: «Нет смерти – нет и искупления, нет страдания – нет и очищения»⁶. Что человечество искупает на войне? Европейцы «платят теперь кровью» за «чечевичную похлебку», забвение Бога, за то, что «человек измелъчал», что «храмы покинуты, а базары шумят», что один народ решил стать «сверхпервым» – вот он и «облился весь кровью», «и всё залилось кровью»⁷. Но

¹ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. / Гл. ред. В.Г. Базанов; подгот. текста Л.Д. Опульской. Т. 6. Л.: Наука, 1973. С. 373.

² *Ницше Ф.* Генеалогия морали. С. 71.

³ *Ницше Ф.* Генеалогия морали. С. 76.

⁴ *Гастев А.* Поэзия рабочего удара (1918). ruslit.traumlibrary.net/book/gastev-poezia-rab-udara/gastev-poezia-rab-udara.html

⁵ *Розанов В.В.* Христово Воскресенье // Розанов В.В. Собр. соч. В чаду войны: Статьи и очерки 1916–1918 / Сост., подгот. текста А.Н. Николюкина, В.Н. Дядичева, П.П. Апрышко; коммент. В.Н. Дядичева. М.: Республика; СПб.: Росток, 2008. С. 21.

⁶ Там же. С. 22.

⁷ Там же. С. 22, 23.

что искупает не «сверхпервый» народ? Он почему «залился кровью»? В «Возрождении России» (1914) Розанов, например, пишет, как в Польше немцы насиловали девушек и женщин, чтобы смешать польскую кровь с тевтонской. Что искупали польки? И опять же речь идет о народе, но не о человеке. В религиозном сознании доминирует ветхозаветная мотивировка: весь народ отдан на муки, человек несет ответственность за род, но не за свой личный грех. Такое онтологическое и не экзистенциальное объяснение наиболее удобно.

Про то, что каждый должен пролить свою кровь, говорили голгофские христиане, а до них члены «Христианского братства борьбы». Хронологически их религиозно-революционная идеология предшествовала библейским объяснениям военных жертв. Ее суть в том, что мир еще не спасен, он будет спасен, когда каждый взойдет на Голгофу и понесет испытание распятием (имеется в виду протест против самодержавия). Как у готового испытать личную Голгофу Блока: «Когда палач рукой костлявой / Вобьет в ладонь последний гвоздь, / <...> / Пред ликом родины суровой / Я закачаюсь на кресте / <...> / Смотрю сквозь кровь предсмертных слез, / И вижу: по реке широкой / Ко мне плывет в челне Христос»¹ («Когда в листе сырой и ржавой...», 1907).

Стихотворение написано после появления в 1905 г. Христианского братства борьбы (В. Свенцицкий. «О задачах Христианского братства борьбы», 1905; «Христианское братство борьбы и его программа», 1906). В «Мировом значении аскетического христианства» (1908) Свенцицкий, идеолог ХББ и потом голгофцев, писал о том, что «человек – герой мировой трагедии, которая заложена в самую основу мироздания», а «любовь христианина – Голгофа, распятие плоти своей во имя вечной духовной правды»². Свенцицкий настаивал на том, что «исторический путь должен быть пройден уже не миром, а отдельной душой»³. Скорее всего, в подтверждение этой цели он и написал рассказ «Второе распятие креста» (1908). Если Христа распяли в современной Российской империи, что следует сделать истинному христианину? Голгофа, по Свенцицкому, начинается там, где есть испытание за других, победа над казнью и где скорбь сочетается с воскрешением («Голгофа», 1910). Смысл сказанного понятен христианину мировоззренчески, но смысл стихотворения Блока силен «человеческим, слишком человеческим»: кровавые слезы, поэт «изнемогает на кресте»⁴ и сомневается, встретится ли он с Христом.

Религиозной коннотации революционной борьбы в выступлениях голгофцев созвучны стихи пролетарских поэтов. Святость крови – тема В. Кириллова: кровавый пот революционеров свят («К оружию»); Восток и Европа в крови, но их ждет Воскресенье («Красный Кремль»). В. Александровский понимает революцию как русское и мировое Воскресение, при этом над Европой вспыхнет кровавый меч («Верю я, – мы грядущее выныанчим...»). С. Малашкин, сакрализуя современность и славя Пролетариат, пишет: «Неба огромный сапфирный потир / Льет из зенита пречистую кровь»⁵ («Пролетариату», 1918).

¹ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 263.

² Свенцицкий В. Мировое значение аскетического христианства // Свенцицкий В., прот. Собр. соч.: В 2 т. / Сост., подгот. текста, коммент. С.В. Черткова. Т. 2. М.: Дарь, 2010. С. 488.

³ Там же. С. 506.

⁴ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 263.

⁵ Русская поэзия XX века: Антология русской лирики первой четверти XX века / Сост. И.С. Ежова и Е.И. Шамурина; вступ. ст. В. Полянского. М.: Амирус, 1991. С. 492.

Голгофцы считали Н. Клюева своим пророком. Его книга «Братские песни» (издана голгофскими христианами в 1912 г.) – проекция их идеологии. Но и когда он расстался с братством, он еще несколько лет верил революцию как религиозный акт и писал о необходимой жертвенной крови. В революционную пору появились его строки: «Верьте ж, братья, за черным ненастьем / Блещет солнце – Господне окно; / Чашу с кровью – всемирным причастьем, / Нам испить до конца суждено»¹ («Красная песня», <1917>). Или: «За евхаристией шаманов / Я отпил крови и огня, / И не оберточный Романов, / А вечность жалует меня» (стр. 355 К) («Меня Распутиным назвали...», <1917>). Рождается возмущивший Есенина революционно-религиозный афоризм: «Убийца красный святей потира», а следующая строка корректирует приведенную выше тезу Розанова: «Убить – воскреснуть, и пасть – ожить...», далее поэтизируется обреченность на кровь: «Мы ало гибнем» (381, 382 К, «Революцию и Матерь света...», <1918>). В понимании Клюева революция – купель: «Ала Россия от ран, / От огневодной купели» (стр. 388 К, «Коммуна», <1918>). Призывая мстить за кровь казненного матроса, он пишет: «Плывет полумесяц багровый / И кровью в пучине дрожит... / О, где же тот мститель суровый, / Который за кровь отомстит?!» (стр. 389 К, «Матрос», <1918>). Или: «Мы опояшем океан, / Как твердь, / Созвездьями из ран, / А кровь в рубиновый канат / Сплетет нам старище-закат!» (стр. 418 К, «Мы опояшем шар земной...», <1919>). В призывах пролить кровь за земной рай он страстен².

Но в сказанных в 1922 г. словах Клюева: «Человек-пахарь, немногим умаленный от ангелов, искупит ржавой кровью мир»³, – мы не слышим призыва к жертвенной крови; в них, скорее всего, выразилась скорбь по поводу обреченности крестьянства на кровопролитие. Сравним со строками П. Карпова: «Ты помолишься о доли пахаря: / Заклятый путь его кровав...»⁴ («Ты помолишься о доле пахаря...», изд. 1921). Уже в марте 1919 г. в докладе В. Ленина на восьмом съезде РКП(б) была озвучена установка на борьбу с кулаком. В 1930-е прозвучала отличная от голгофской идеологии коннотация крови. Вот он описывает «Смерть комиссара» К. Петрова-Водкина: «Чтобы республике-невесте / “Смерть Комиссара” дать кольцом, / Бокалом крови, как вином» («Кремль», 1934)⁵. Бокал – не чаша с при-

¹ *Клюев Н.* Сердце Единорога: Стихотворения и поэмы / Предисл. Н. Н. Скатова, вступ. ст. А. И. Михайлова; сост., подгот. текста, примеч. В. П. Гарнина. СПб.: РХГИ. С. 353. Далее цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках пометой К.

² «Весной 1919 г. Уком Партии и Совдеп поручил Клюеву и мне проводить митинги призывников в Красную Армию, которые из Вытегры отправлялись к месту назначения. Клюев выступал перед призывниками пламенным оратором, страстно призывавшим молодых юношей к защите Советской страны от наседавших на нее со всех сторон интервентов и внутренней контрреволюции. И с каждым митингом речь Клюева становилась более совершенной, все более пламенной. Он меня спрашивал после каждого его выступления, правильно ли он выступал. Я ободрял его, и он выступал на следующем митинге еще лучше. При мне последний раз он выступил на общегородском митинге, провожая нас на Северный фронт. Его голос гремел на всю площадь, голос страстного пламенного призыва к защите Советской Родины. Это было в 20-е числа мая 1919 г. <...>. В Вытегре в то время Клюев был лучшим оратором» (*Ступин Г.* Воспоминания о встречах с поэтом Вытегры Николаем Клюевым // Николай Клюев. Воспоминания современников / Вступ. ст., коммент. Л. А. Киселевой; сост., указ. на источники П. Е. Поберезкиной. М.: Прогресс-Плеяда, 2010. С. 226.

³ *Клюев Н.* Словесное древо. Проза / Вступ. ст. А. И. Михайлова; сост., примеч. В. П. Гарнина. СПб.: Росток, 2003. С. 51.

⁴ *Карпов П.* Русский ковчег. М.: Новая жизнь, 1922. С. 20.

⁵ Наследие комет. Неизвестное о Николае Клюеве и Анатолии Яре / Сост., подгот. текста, примечания Т. А. Кравченко, А. И. Михайлова; послесл. В. А. Доманского, Г. Е. Дунаевского. М.: Территория, 2006. С. 217.

частью. Сакральная коннотация заменена мирской. Более того, в том же году он пишет о крови – жертве сатане, который устремлен к Кремлю: «Там сатаны заезжий дом. / Когда в кибитке ураганной / Несется он, от крови пьяный, / По первопутку бед, сарыней, / И над кремлевскою святыней, / Дрожа успенского креста, / К жилью зловещего кота / Клубит метельную кибитку, – / Но в боль берестяному свитку / Перо, обмокнутое в лаву, / Я погружу его в дубраву, / Чтоб листопадом в лог кукуший / Стучались в стих убитых души...» (стр. 630 К, «Есть демоны чумы, проказы и холеры...», <1934>).

И.А. Ильин («О сопротивлении злу силою», 1925) так понимал смысл Евангелия: свою рубашку отдай, свою щеку подставь, а не ближнего. В дневниковых записях С. Клычкова, стремившегося онтологически понять трагедии своего времени, есть мысль о самоубийствах Есенина и Маяковского как очищении через кровь. К слову, молодой Есенин в письмах к Г. Панфилову высказывал готовность быть распятым ради ближнего, как Христос, а в его маленьких поэмах 1917–1918 гг. нет и намек на призыв пролить чужую кровь ради революции-преображения; он не идеологизировал – он по-человечески ужасался крови и смертных, и Иисуса Христа. Конечно, предчувствия, что прольется собственная кровь, были. Они есть в стихотворении «Несколько слов обо мне самом». Они есть и у критиков поэзии Маяковского – новокрестьян. Например, П. Карпов писал: «Знаю, что обагрю своей кровью / Темноликую мою землю»¹ («Буйнозвездную и грозовую...», изд. 1921). Скорее всего, были основания писать о жертвенной крови у тех, кто реально принимал участие в революционном движении и был за это, как Маяковский, Клюев, Карпов, заключен в тюрьму. Но Клычков, воевавший на Западном фронте во время Первой мировой войны, никого (в том числе себя) к жертвенной крови не призывал. Как Н. Гумилев. Правда, хотя дело войны «светло и свято»² («Война», 1914), Гумилев предчувствовал, что его «Кровь ключом захлещет на сухую, / Пыльную и мятую траву»³ («Рабочий», 1916). Но в этом предчувствии нет ни романтического, ни агитационного, ни эстетического.

ЛИТЕРАТУРА

Бердяев Н. Жозеф де Местер и масонство // Путь. 1926. № 4. С. 183–187.

Блок А. Собр. соч.: В 8 т. / Общ. ред. В.Н. Орлова, А.А. Суркова, К.И. Чуковского. М.; Л.: Госиздат, 1961–1963.

Гумилев Н. Собр. соч.: В 3 т. / Вступ. ст., сост., примеч. Н.А. Богомолова. Т. 1. М.: Худож. литература, 1991. 590 с.

Достоевский Ф.М. Полное собр. соч.: В 30 т. / Гл. ред. В.Г. Базанов; подгот. текста Л.Д. Опульской. Т. 6. Л.: Наука, 1973. 424 с.

Карпов П. Русский ковчег. М.: Новая жизнь, 1922. 64 с.

Клюев Н. Сердце Единорога: Стихотворения и поэмы / Предисл. Н.Н. Скатова; вступ. ст. А.И. Михайлова; сост., подгот. текста, примеч. В.П. Гарнина. СПб.: РХГИ, 1999. 1072 с.

Клюев Н. Словесное древо. Проза / Вступ. ст. А.И. Михайлова; сост., примеч. В.П. Гарнина. СПб.: Росток, 2003. 688 с.

Маяковский В.В. Соч.: В 3 т. / Примеч. Ф. Пицкель. Т. 3. М.: Худож. литература, 1965. 600 с.

¹ *Карпов П.* Русский ковчег. С. 19.

² *Гумилев Н.* Собр. соч.: В 3 т. / Вступ. ст., сост., примеч. Н.А. Богомолова. Т. 1. М.: Худож. литература, 1991. С. 172.

³ *Гумилев Н.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. С. 216.

Маяковский В.В. Полн. собр. произведений: В 20 т. / Сост., подгот. текста, коммент. Р.В. Дуганова, А.Т. Никитаева, А.П. Зименкова, В.Н. Терехиной. Т. 1. М.: Наука, 2013. 614 с.

Наследие комет. Неизвестное о Николае Клюеве и Анатолии Яре / Сост., подгот. текста, примеч. Т.А. Кравченко, А.И. Михайлова; послесл. В.А. Доманского, Г.Е. Дунаевского. М.: Территория, 2006. 304 с.

Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Избр. произведения: В 2 т. / Сост., подгот. текста М.Ш. Ивановой. Т. 1. М.: Сирин, 1990. С. 3–257.

Ницше Ф. Генеалогия морали // Ницше Ф. Избр. произведения: В 2 т. / Сост., подгот. текста М.Ш. Ивановой. Т. 2. М.: Сирин, 1990. С. 3–148.

Ницше Ф. Автобиография (Ессе Номо) // Ницше Ф. Избр. произведения: В 2 т. / Сост., подгот. текста М.Ш. Ивановой. Т. 2. М.: Сирин, 1990. С. 327–415.

Розанов В.В. Христово Воскресенье // Розанов В.В. Собр. соч. В чаду войны: Статьи и очерки 1916–1918 / Сост., подгот. текста А.Н. Николюкина, В.Н. Дядичева, П.П. Апрышко; коммент. В.Н. Дядичева. М.: Республика; СПб.: Росток, 2008. С. 21–24.

Русская поэзия XX века: Антология русской лирики первой четверти XX века / Сост. И.С. Ежова и Е.И. Шамурина; вступ. ст. В. Полянского. М.: Амирус, 1991. 684 с.

Свенцицкий В. Мировое значение аскетического христианства // Свенцицкий В., прот. Собр. соч.: В 2 т. / Сост., подгот. текста, коммент. С.В. Черткова. Т. 2. М.: Дарь, 2010. С. 487–508.

Свиридов Г. Музыка как судьба. М.: Молодая гвардия, 2002. 798 с.

Ступин Г. Воспоминания о встречах с поэтом Вытегры Николаем Клюевым // Николай Клюев: Воспоминания современников / Вступ. ст., коммент. Л.А. Киселевой; сост., указ. на источн. П.Е. Поберезкиной. М.: Прогресс-Плеяда, 2010. С. 224–228.

REFERENCES

Berdyayev N. Joseph de Mester and Freemasonry. *Put'*. 1926. No 4, pp. 183–187.

Blok A. The Collected Works: In 8 vols. / Ed. by V.N. Orlov, A.A. Surkov, K.I. Chukovsky. Moscow; Leningrad. Gosizdat Publ. 1961–1963.

Gumilev N. The Collected Works: In 3 vols. / Comp. by N.A. Bogomolov. Vol. 1. M.: Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1991. 590 p.

Dostoevsky F.M. The Collected Works: In 30 vols. / Ed. by V.G. Bazanov. Vol. 6. Leningrad. Nauka Publ. 1973. 424 p.

Karpov P. (1922) *Russkiy Kovcheg (Russian Ark)*. Moscow. Novaya Zhizn' Publ. 64 p.

Klyuev N. *Sergtse Edinoroga (Heart of the Unicorn): Poems* / Foreword by N.N. Skatov; comp. by A.I. Mikhailov; comments by V.P. Garnin. St.-Petersburg. 1999. 1072 p.

Klyuev N. (2003) *Slovesnoe Drevo (Verbal tree): Prose* / Introd. article: A.I. Mikhailov; comments by V.P. Garnin. St.-Petersburg. Rostok Publ. 688 p.

Mayakovsky V.V. Works: In 3 vols. / Comments by F. Pitskel. Vol. 3. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1965. 600 p.

Mayakovsky V. The Complete Collected Works: In 30 vols. / Comp., comments by R.V. Duganova, A.T. Nikitaev, A.P. Zimenkov, V.N. Terekhina. Vol. 1. Moscow. Nauka Publ. 2013. 614 p.

The Legacy of Comets. Unknown about Nikolai Klyuev and Anatoly Yar / Comp., comments by T.A. Kravchenko, A.I. Mikhailov; Afterword by V.A. Domansky, G.E. Dunaevsky. Moscow. Territoria Publ. 2006. 304 p.

Nietzsche F. Thus Spoke Zarathustra. In: Nietzsche F. Works: In 2 vols. / Comp. by M.S. Ivanova. Vol. 1. Moscow. Sirin Publ. 1990, pp. 3–257.

Nietzsche F. Genealogy of Morals. In: Nietzsche F. Works: In 2 vols. / Comp. by M.S. Ivanova. Vol. 2. Moscow. Sirin Publ. 1990, pp. 3–148.

Nietzsche F. The Autobiography (Ecce Homo). In: Nietzsche F. Works: In 2 vols. / Comp. by M.S. Ivanova. Vol. 2. Moscow. Sirin Publ. 1990, pp. 327–415.

Rozanov V.V. The Resurrection Of Christ. In: Rozanov V.V. The Collected Works: In the Fumes of War: Articles and Essays 1916–1918 / Comp. by A.N. Nikolyyukin, V.N. Diadichev, P.P. Opryshko; comments by V.N. Dyadicheva. Moscow. Respublika Publ.; St.-Petersburg. Rostok Publ. 2008, pp. 21–24.

Russian Poetry of the 20th century: An Anthology of Russian Poetry of the First Quarter of the 20th century / Comp. by I.S. Yezhov and E.I. Shamurin; Article by V. Polyansky. Moscow. Amirus Publ. 1991. 684 p.

Stupin G. Memories of Meetings with the Poet Vytegra Nikolay Klyuev. In: Nikolay Klyuyev: Memoirs of Contemporaries / Introd. article, comments. by L.A. Kiseleva; ed., decree. for the sources P.E. Pobereskin. Moscow. Progress-Pleyada Publ. 2010, pp. 224–228.

Svetsitsky V. Global Significance of Ascetic Christianity. In: Svetsitsky V. The Collected Works: In 2 vols. / Comp., comments by S.V. Chertkov. Vol. 2. Moscow. Dar Publ. 2010, pp. 487–508.

Sviridov G. (2002) Music as Fate. Moscow. Molodaya Gvardia Publ. 798 p.

Сведения об авторе:

Наталья Михайловна Солнцева,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Natalia M. Solntseva,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
natashasolnceva@yandex.ru